

Дмитрий Луговой

*Будущее
в прошлом*

Дмитрий Луговой

Будущее в прошлом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22816872

ISBN 9785448369582

Аннотация

Разгорается скандал вокруг Авдеева-младшего, сына генерал-губернатора Вашингтона. США входят в состав Российской империи. В телевизионном шоу случился скандал с актрисой Элеонорой Королёвой. Странности продолжаются в кабинете главреда газеты «Вашингтонская правда». Расследование, которое ведёт детектив Павел Кисилёв, но кто-то опережает детектива на один шаг. Что лучше: открытие, за которое могут дать нобелевскую премию или знание источников материала, с помощью которого сделано это открытие?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Будущее в прошлом

Дмитрий Луговой

© Дмитрий Луговой, 2017

ISBN 978-5-4483-6958-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Евгений Витальевич Владимиров, депутат Государственной Думы Российской Империи, полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», личный друг Его Императорского Высочества, Великого Князя Игоря Гавриловича, бывший генерал-губернатор Минской губернии, и прочее, и прочее, и прочее, наслаждался тишиной и покоем, лёжа в тёплой ванне, стилизованной под древнеримские термы.

Охрану, всегда и всюду сопровождавшую его, Евгений Витальевич отпустил ещё два часа назад, велел передать своей дражайшей супруге, если она будет его разыскивать, что он в их сопровождении зашел сыграть партейку-другую в казино «Белый Свет», что на Императорском проспекте. Начальник охраны понимающе улыбнулся и обещал, что всё будет исполнено в точности. Наверняка этот безмозглый идиот решил, что его босс поехал к любовнице.

Откровенно говоря, такая мысль приходила Евгению Витальевичу в голову, когда он сидел за рулём своей чёрной бронированной «Волги», но трезво всё расценив, он пришел к выводу, что не в состоянии полночи и утро выслушивать трёп длинноногой блондинки по имени Таня, которая была его любовницей последние два месяца.

«Может быть, стоит её вообще бросить?» – не открывая глаз, Евгений Витальевич потянулся за бокалом кизлярского

коньяка, оставленным им на мраморном бортике ванны. — «Её глупая болтовня с лихвой перекрывает то удовольствие, что она доставляет в постели».

Евгений Витальевич отхлебнул немного терпкого напитка из бокала, поставил последний обратно на бортик и, блаженно улыбнувшись, подумал:

«Следующей любовницей надо сделать глухонемую. Она и не услышит ничего, и болтать ни с кем не станет».

В общем, решив не портить и без того не очень приятный день встречей с любовницей, Евгений Витальевич отправился в закрытый для посторонних жилой комплекс «Янтарная Жемчужина». Здесь ему принадлежала небольшая двухуровневая квартирка, которая не была указана ни в одной декларации. И владельцы комплекса свято блюли конфиденциальность, не распространяясь о своих клиентах.

Никто не знает об этом его убежище. Месте, где он может отдохнуть от назойливых любовниц, докучливой жены, прилипших как репей охранников.

— Ты в этом уверен? — раздался тихий голос где-то над ухом Евгения Витальевича.

Депутат Госдумы вздрогнул, потерял точку опоры и с головой ушёл под воду.

— Кто здесь? — отчаянно размахивая руками, Евгений Витальевич вынырнул из воды и огляделся вокруг.

Квартира была пуста и безмолвна. Звукоизоляция внутри комплекса была что надо: даже звуки оргий, что устраивал

живший этажом ниже сын московского генерал-губернатора, не выходили за пределы его квартиры – так что извне сюда звуки не проникали. Внутри же квартиры издавать их было некому: Евгений Витальевич специально оборудовал эту берлогу для отдыха от любых звуков: здесь не было ни телевизора, ни магнитофона, ни радио, ни даже часов, своим постоянным тиканьем приводивших депутата в ярость.

– Кто здесь? – ещё раз спросил Евгений Витальевич, подплывая к бортику.

Взявшись за поручни, он подтянул своё грузное (чай, уже не молод – шестой десяток годков пошёл) тело и выбрался из ванны.

Вода стекала по обнажённому телу Евгения Витальевича на пол, образуя огромные лужи (ничего – система автоподсушки пола не оставит от них и следа), а депутат всё так же настороженно озирался по сторонам.

– Кто здесь? – повторил он в третий раз, снимая со спинки кресла полотенце и вытирая им лицо и тело.

Голос, говоривший с ним, как будто долго раздумывал, прежде чем ответить, но через пять минут всё же изрёк:

– Ты знаешь ответ!

– Нет, не знаю! – нервно взвизгнул Евгений Витальевич, бросаясь к комоду.

Там, в третьем ящике снизу, под грудой накрахмаленных рубашек, лежал наградной пистолет, врученный Евгению Витальевичу самим Гавриилом Первым по случаю че-

тырёхсотлетия династии Романовых.

«Да где же он?» – выкидывая рубашки из комода на пол, одними губами шептал депутат.

– Зачем он тебе? Разве ты боишься меня? – вновь заполнил пустое пространство квартиры чужой и в то же время такой знакомый голос.

Наконец ладонь Евгения Витальевича наткнулась на тяжелую рукоятку пистолета, инкрустированную маленькими алмазами из императорской сокровищницы, и страх, пудовым грузом сковывавший его тело, отступил.

– Нет, я тебя не боюсь! – ответил голосу Евгений Витальевич и резко повернулся, вскидывая ладонь с зажатым в ней оружием.

Позади него никого не было. Лишь его испуганное отражение в стене, превращённой дизайнером в гигантское зеркало, нервно тыкало стволом в воздух.

«Лечиться тебе пора, брат!» – облегчённо выдохнул Евгений Витальевич, опуская пистолет и вытирая проступивший сквозь кожу лица пот.

Легко, конечно, сказать: лечиться. Но у кого? Какой психиатр не соблазнится идеей продать журналистам информацию о проходящем у него лечение депутате? А если таковой и найдется, то об этом обязательно разнюхают конкуренты, и информация опять-таки просочится в прессу.

Нет, лечиться нельзя. По крайней мере, сейчас.

Евгений Витальевич приблизился к зеркальной стене

и внимательно взглянул на своё отражение. Нет, ну кто бы мог подумать, что у железного и непотопляемого Владимира, может быть столь испуганная физиономия. И это он уже немного пришел в себя, а что было пару минут назад – и подумать страшно.

– Успокойся, слышишь? – наставительно сказал Евгений Витальевич своему отражению. – Ты просто устал. Надо отдохнуть – и всё пройдет!

– Это ты мне? – с издёвкой, как показалось мужчине, произнёс голос.

По гладкой поверхности зеркала пробежала рябь, как будто оно стало озером, воды которого колышет лёгкий летний ветерок, и Евгений Витальевич, исторгнув из глубин своего тела животный вопль ужаса, отшатнулся назад.

Его отражение в зеркале исчезло. Вернее, не исчезло, а изменилось. Евгений Витальевич по-прежнему видел себя, вот только лицо и тело его было покрыто страшными ожогами, некоторые из которых выглядели совсем свежими.

– Нет!

В голове у мужчины осталась только одна мысль: убить отражение, заставить его исчезнуть, не дать ему сводить его с ума.

Рука Евгения Витальевича, сжимавшая пистолет, взмыла вверх, палец изо всех сил надавил на курок, и восемь пуль одна за другой полетели в стену.

С громким звоном зеркало разлетелось на тысячу малень-

ких осколков, щедро оросив «стеклянной кровью» дорогой персидский ковёр.

Евгений Витальевич отступил на два шага назад и, обесиленный, рухнул в кресло. Рука сама собой потянулась к бутылке коньяка, стоявшей рядом на журнальном столике, схватила её за горлышко и подтянула к устам.

В два могучих глотка мужчина ополовинил бутылку и поставил её обратно. Алкоголь, весело бурля, пробежался по сосудам и, попав в мозг, успокоил расшалившиеся нервы.

– Что, полегчало? – раздался всё тот же насмешливый голос.

Евгений Витальевич скосил глаза на журнальный столик и мгновенно отпрянул от него: на него оттуда взидало всё то же обожжённое отражение.

– Почему ты боишься меня? Разве я сделал тебе что-то плохое? – вновь спросил голос.

Евгений Витальевич попятился назад, споткнулся о собственную пятку, рухнул на ягодицы и пополз прочь от журнального столика.

– Куда же ты бежишь? – продолжал сыпать вопросами голос.

Что-то хрустнуло под ладонью Евгения Витальевича. Он с трудом оторвал взгляд от столика и увидел рассыпанное вокруг него стекло.

– Я повсюду! – обожжённое отражение взидало на мужчину из каждого, даже самого маленького, осколка.

Евгений Витальевич тихо икнул, дрожащими пальцами подобрал один из осколков, подтянул его к шее, а затем слегка надавил на кожу.

Алая капля быстро набухла и нехотя потекла вниз, а отражение в зеркале вдруг воскликнуло:

– Эй, ты чего удумал?

Различив нотки страха в беседовавшем с ним голосе, Евгений Витальевич приободрился. Может быть, он не победит в этой битве, но уж точно не проиграет.

– Давно хотел сказать: иди ты к черту! – сплюнул на пол мужчина и резко полоснул себя осколком по шее.

Стекло с легкостью взрезало кожу, и кровь ручьём хлынула вниз.

Евгений Витальевич победно улыбнулся и ничком повалился на пол.

Глава 1

Аня насыпала в чашку три чайных ложки кофе, залила их кипятком из только что закипевшего чайника, втянула ноздрями ароматный запах напитка, взяла чашку в левую руку и понесла её в спальню.

Там девушка села на кровать, поставила чашку на бортик кровати, скрестила ноги по-турецки и вперилась взглядом в экран ноутбука, который отображал открытое окно текстового редактора.

«Позор московского генерал-губернатора» – такой заголовок значился в шапке документа.

К сожалению, кроме заголовка текста в статье, которую надлежало сдать через два дня, не было. Да и заголовок-то Аня придумала всего час назад, когда поняла, что писать-то ей, по большому счёту, не о чем.

Никогда ещё Аня не оказывалась в ситуации, когда вдохновение ей отказывало. Даже когда все остальные журналисты отдела светской хроники «Вашингтонской правды» были не в состоянии найти по-настоящему горячую тему, она её находила. Или придумывала – но это уже детали.

И вот теперь Аня столкнулась с банальным отсутствием достойной её пера темы. Кажется, она уже извлекла на свет ворох грязного белья каждого представителя бомонда Российской Империи, до которого могла добраться, не рискуя

получить повестку в суд. Юристы их газеты, конечно, хороши, но все же преступать некоторые пределы не стоило.

Две недели Аня обзванивала все свои источники, копалась в Интернете, пересматривала открытия кинофестивалей и видео с закрытых для посторонних вечеринок, но так и не обнаружила ничего стоящего. Ну кого, скажите, интересуется очередная пьяная выходка актера Зуева или болезнь карликового шпица певицы Юлечки?

«Я достойна большего!» – твердила себе Аня, выискивая материал погорячее.

«Я жду от тебя хоть какую-нибудь статью в понедельник!» – рычал в трубку главный редактор Игорь Кабанов.

Наклёвывалась вроде бы статейка про самоубийство депутата Владимирова. Аня даже заголовок придумала: «Депутат умер в постели своей любовницы». Но вскоре её источник сообщил, что та женщина, которая считалась любовницей депутата, в ту ночь была совершенно в другом месте. Да и живет она совсем в другом районе.

Это, кстати, тоже весьма любопытно. Выходит, депутат ночевал и не у себя дома, и не в квартире любовницы. Так кому же принадлежали апартаменты, в которых он был найден мёртвым, и как депутат там оказался?

Однако сведений для написания более или менее приличной статьи пока что было мало, так что Ане пришлось задвинуть наброски подальше в ящик стола, взяв с источника слово, что все вновь открывшиеся обстоятельства он будет

передавать в первую очередь ей.

Впрочем, особо надеяться на успех в данной ситуации не приходилось. Столичные репортёры тоже роют носами землю в поисках причин для самоубийства Владимирова и, будучи ближе к месту событий, наверняка найдут что-нибудь раньше неё. Обидно, конечно, но что поделать.

В общем, Аня тянула со статьей до последнего, а теперь придется сидеть всю ночь, чтобы сдать статью в срок. С Кабановым шутки плохи: пусть она и считается в некотором роде прямой редакции, но даже это не спасет её от гнева главреда, если он решит её уволить.

Немного подумав, Аня решила сосредоточиться на скандале, разразившемся вокруг московского генерал-губернатора.

Как выяснилось в ходе расследования причин гибели депутата Владимирова, сын генерал-губернатора Москвы Авдеева Матвей, имевший двухуровневую квартиру этажом ниже апартаментов, где был найден депутат, устраивал в ней весьма разнузданные вечеринки. Вино, коньяк и водка лились на них рекой, а, по слухам, «золотая молодежь» баловалась и кое-чем похуже алкоголя. Дурман, обволакивавший их головы, приводил к печальным последствиям.

В результате уже три дня Матвей Авдеев томится в камере следственного изолятора, а предъявленное ему обвинение состоит из пяти пунктов: «Сбыт алкогольных напитков несовершеннолетним», «Хранение и сбыт наркотических

веществ», «Нанесение телесных повреждений двум и более лицам», «Попытка дачи взятки должностному лицу, находящемуся при исполнении служебных обязанностей», и, наконец, «Совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних».

Если первые четыре пункта грозили «всего-то» двадцатью пятью годами тюремного заключения, то последнее обвинение при наличии отягчающих обстоятельств (а таковые, по словам следствия, наличествовали) давало прокурору основание требовать высшей меры наказания – казни через повешение.

Аня отхлебнула немного кофе из кружки, чтобы согнать с себя сон, и включила интернет. Прежде чем писать свою статью, надо ознакомиться, что об Авдеевых – набедокурившем сыне и его влиятельном отце, пытающемся спасти сына от эшафота – уже успели накропать другие журналисты.

«Моего сына подставили», «Это происки врагов решительно борющегося с коррупцией генерал-губернатора», «Следствие игнорирует показания свидетелей, которые не сходятся с их версией событий» – такими заголовками пестрели газеты, владельцы которых поддерживали Авдеева-старшего.

«Пора в отставку», «Легче следить за другими, чем за собственным сыном?», «А откуда деньги на такую квартиру?» – отвечали им издания, ориентировавшиеся на соперников генерал-губернатора по политической арене.

Аня углубилась в чтение. Изредка она копировала яркие высказывания своих конкурентов по журналистскому цеху, намереваясь использовать их в своей статье, периодически вставляла в неё ссылки на источники, уже проверенные другими репортёрами, и делала краткие пометки, которые помогут ей в дальнейшем связать всё это в единый текст.

Бегло просмотрев с полсотни заметок, пространных и кратких, подкреплённых фактами и основанных лишь на чистой фантазии их авторов, и сделав из них небольшую выжимку на половину страницы формата а4, Аня решила сделать небольшой перерыв.

Для начала она заглянула в один из своих электронных почтовых ящиков и проглядела входящие письма.

Как и следовало ожидать, её источники наперебой хвастались добытыми «достоверными» сведениями о том или ином событии (степень важности которого они оценивали, исходя из своих предпочтений). Большая часть из них, как всегда, была сущим мусором, из которого нельзя было слепить даже жалкую заметку в «Имперские скандалы», не брезговавшие, как многие думают, ничем.

Однако среди этих писем была и парочка весьма информативных и непосредственно касавшихся разрабатываемой Аней темы. Адрес отправителя был девушке неизвестен, но это ничего не значило: многие информаторы меняли почтовые ящики, боясь преследования со стороны полиции или персон, сведения о которых они распространяли.

А вот присланные неизвестным данные были весьма занимательны.

В первом письме он сообщал о пяти случаях избияния Авдеевым-младшим своих однокурсников по интернату в Царском Селе. Все пострадавшие получили возможность учиться в этом закрытом, элитном, учреждении, победив на Императорской Олимпиаде по тому или иному предмету, то есть покровителей или влиятельных родственников у них не было. Как следствие, все случаи избияния были заматы, хотя один из пострадавших впал в кому и вскоре умер.

Во втором письме неизвестный упоминал об имеющейся у Авдеева-старшего личной охране, в дополнение к той, что выделена ему государством. И, якобы, в обязанности этих охранников входит не только обеспечение безопасности генерал-губернатора.

В подтверждение этому прилагались фотографии, на которых сотрудники охраны были запечатлены приобретающими некие пакетики с белым веществом. Рядом с ними все время мелькал человек кавказской внешности.

«Это известный наркобарон Сауд Амиров», – писал неизвестный. – «Полиция много лет пытается найти доказательства его криминальной деятельности, но пока безрезультатно».

Аня перечитала каждое письмо несколько раз, а затем вновь нырнула в интернет.

Найти что-либо компрометирующее на Амирова в се-

ти не удалось. Везде он фигурировал как добропорядочный предприниматель, владевший сетью коньячных заводов на юге Империи, и щедрый благотворитель, лично воспитывающий двадцать приёмных детей.

А вот насчёт пострадавших от кулаков Матвея Авдеева однокурсников информация была верна.

Нет, конечно, в сети не было упомянуто, что эти дети пострадали от действий сына московского генерал-губернатора. Согласно официальному сайту Царскосельского интерната, с каждым из этих подростков произошёл несчастный случай, приведший к травме. Лечение их было оплачено из фонда интерната, после чего пострадавшие были переведены в другие учебные заведения дабы, по словам пресс-секретаря интерната, «не травмировать их психику видом мест, где с ними произошло несчастье».

– Любопытно! – пробормотала себе под нос Аня.

Она переслала письма главе юридического отдела редакции, поставив Кабанова в копию. Пусть посмотрят и решат, стоит ли пускать это в печать.

Затем девушка отправила ответное письмо неизвестному с благодарностью за предоставленные сведения и предложением встретиться где ему будет угодно и обговорить условия сотрудничества.

Покончив с этим, Аня допила кофе, слезла с кровати и прошла на кухню.

Открыв кран холодной воды, девушка наскоро вымыла

чашку, поставила её в шкаф с чистой посудой, вытерла руки полотенцем и, решив немного отдохнуть от обдумывания текста статьи, включила телевизор.

Он был настроен на показ Первого Центрального Канала Империи, и поэтому Аня попала на просмотр передачи «Поговорим?» известного шоумена Михаила Ершова.

Этот, тщательно следивший за собой и тем самым дававший повод подозревать его в нетрадиционной ориентации, господин приглашал к себе звезд эстрады и телевидения и вел с ними беседы о политике, спорте, творчестве, обществе, перемежая стандартные вопросы провокационными, призванными заставить гостя врасплох и вытянуть из него что-нибудь сочненькое.

Сегодня, как поняла Аня буквально через секунду после начала просмотра передачи, у Ершова был необычный выпуск. Его всегдашняя студия располагалась в Москве, но сегодня трансляция велась из Свято-Анжельска, прямо из апартаментов известной актрисы Элеоноры Королевой.

Выпуск передачи был посвящен дню рождению Элеоноры, которой исполнилось на днях сорок лет, так что набор вопросов был стандартен: как вам удаётся так хорошо выглядеть; кем бы вы были, если бы не стали актрисой; как складывались ваши отношения с партнерами по фильмам; и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.